

MISCELLANEA

Научная статья

УДК 929

doi: 10.17223/2312461X/41/16

Наследие Григория Давыдовича Вербова в МАЭ РАН (к 115-летию юбилею исследователя Севера)

Елена Валерьевна Перевалова¹

Татьяна Сергеевна Киссер²

Елизавета Александровна Комова³

^{1, 2, 3} Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия,
¹ elena_perevalova@mail.ru
² tkisser@bk.ru
³ el_fedorova21@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена советскому лингвисту и этнографу, педагогу и практику североведения Г.Д. Вербову. В отдел Сибири Института этнографии АН СССР Вербов пришел молодым, но уже состоявшимся исследователем, с прекрасным знанием ненецкого языка и опытом полевой работы, предполагавшей глубокое этнографическое погружение, ведение дневниковых записей и их последующую систематизацию, визуальное сопровождение и собирательскую деятельность. Подобные практики совершались в XVIII и XIX вв. в ходе академических и кругосветных экспедиций, но, в отличие от своих предшественников, Вербов не просто объехал все группы северных самодийцев (поездка к лесным ненцам на Аган и Пур в 1934 г., «трансненецкая» экспедиция от Таймыра до Белого моря 1938–1939 гг. и др.), но и работал среди ненцев и с ненцами на протяжении нескольких лет. Богатое наследие неутомимого полевого и знатока ненецкого языка – научный архив, этнографические коллекции, иллюстративные материалы и фотодокументы – хранятся в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Большая их часть не опубликована. В 2023 г. Центром арктических исследований МАЭ (рук. А.В. Головнёв) и Научным архивом МАЭ была осуществлена полная оцифровка научного фонда Вербова и начата подготовка издания его сочинений и материалов.

Ключевые слова: Г.Д. Вербов, ненцы, научное наследие, экспедиция, архив, этнографические коллекции, фотодокумент

Для цитирования: Перевалова Е.В., Киссер Т.С., Комова Е.А. Наследие Григория Давыдовича Вербова в МАЭ РАН (к 115-летию юбилею исследователя Севера) // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 316–344. doi: 10.17223/2312461X/41/16

Original article

doi: 10.17223/2312461X/41/16

The Legacy of Grigory Verbov in the MAE RAS (To the 115th Anniversary of the Explorer of the North)

Elena V. Perevalova¹

Tatiana S. Kisser²

Elizaveta A. Komova³

^{1, 2, 3} *Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
St Petersburg, Russian Federation*

¹ *elena_perevalova@mail.ru*

² *tkisser@bk.ru*

³ *el_fedorova21@mail.ru*

Abstract. The article is dedicated to the Soviet linguist and ethnographer, teacher and practitioner of Northern studies G.D. Verbov. He came to the Siberia department of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences as a young, but already accomplished researcher, with excellent knowledge of the Nenets language and field work experience, which involved deep ethnographic immersion, keeping detailed diary entries and their subsequent systematization, visual accompaniment and collecting activities. Similar practices were carried out in the XVIII and XIX centuries during academic and round-the-world expeditions, but, unlike his predecessors, Verbov not only toured all groups of northern Samoyeds (a trip to the forest Nenets on Agan and Pur in 1934, the "Transnistrian" expedition from Taimyr to the White Sea in 1938–1939, etc.), but also worked among the Nenets and with the Nenets for several years. The included observation for him was not a field method of research, but an everyday reality. The rich heritage of the indefatigable field worker and expert in the Nenets language – scientific archive, ethnographic collections, illustrative materials and photographic documents – are stored in the funds of the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS. A significant part of them has not been published. In 2023 Arctic Research Center (A.V. Golovnev) and Scientific Archive of MAE RAS carried out a complete digitization of the Verbov Scientific Foundation and began preparing the publication of his works and materials.

Keywords: G.D. Verbov, Nenets, scientific heritage, expedition, archive, ethnographic collections, photo document

For citation: Perevalova E.V., Kisser T.S., Komova E.A. (2023) The Legacy of Grigory Verbov in the MAE RAS (To the 115th Anniversary of the Explorer of the North). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 316–344 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/41/16

Пускай сияют Крест и Рак
Огнем небес в далеких странах,
А мне простой полярный мак
Дороже тысячи платанов...

28 марта 1939 г. Нарьян-Мар на Печоре¹

Григорий Давыдович Вербов (11.06.1909, Москва – 06.06.1942, Ленинградская обл.) – советский лингвист и этнограф, педагог и практик

североведения, один из создателей письменности самодийцев. О его судьбе и научной деятельности писали многие исследователи Севера, в том числе М.М. Броднев (1966), Л.В. Хомич (1966, 2004), А.В. Омельчук (1982), А.М. Решетов (1995), Л.В. Алексеева (2001), В.В. Огрызко (2003), М.Д. Любавская (2005), С.И. Буркова (2010), С.В. Туров (2019), А.Ю. Терюков (2020). Сохранившиеся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Ф. 2. Оп. 1. Д. 1–182), а также в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (Ф. Р-1772. Оп. 8. Д. 60; Р-9471. Оп. 2. Д. 12; Ф. Р-4331. Оп. 4. Д. 424; Ф. Р-4331. Оп. 42. Д. 3 45), Томском областном центре документации новейшей истории (Ф. 135. Оп. 5. Д. 25) и Музейно-выставочном комплексе им. И.С. Шемановского (г. Салехард) (ЯНМ-640-5; ЯНМ-9238/8, 11, 17; ЯНМ-10658/6; ЯНМ-11882; ЯНМ-15974/2; НВФ-3262/1-6; НВФ-3765; НВФ-7770/1-4), материалы позволяют более широко представить его наследие и научную деятельность в старейшем российском музее.

В Музей антропологии и этнографии² Григорий Давыдович Вербов пришел молодым, но уже состоявшимся исследователем, с прекрасным знанием ненецкого языка и богатым опытом работы с коренным населением Севера. Еще в юности «в качестве участника школьной экскурсии» он побывал в Русской Лапландии (Кольский п-ов и Кольский залив, 1925), на Новой Земле (1925), где его отец, Д.Ф. Вербов, служил начальником полярной обсерватории, и в Карелии (от Онежского озера до Белого моря, 1927). В 1927 г. выпускник 40-й Советской единой трудовой школы-десятилетки Г.Д. Вербов поступает на естественное отделение Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. В 1928 г. студент Вербов совершил экскурсию на реки Северная Двина, Кулой, Пинега, остров Колгуев и вновь попал на Новую Землю, где по поручению института занимался разработкой темы «Литораль Новой Земли», а по собственному желанию – изучением традиционной культуры и языка ненцев. В октябре 1929 г. Вербов переводится на 2-й курс этнографического отделения Ленинградского государственного университета (с 1930 г. часть Ленинградского историко-лингвистического института), в июне 1931 г. заканчивает его с получением специальности «этнограф» (в другом варианте – «музеевед. краеведческой специальности») (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 109; Д. 111; Д. 166. Л. 3, 4, 9 об.–11; Д. 167. Л. 4, 7, 8–15, 36; ЦГА СПб. Ф. Р-4331. Оп. 4. Д. 424. Л. 2, 4). В это время он знакомится и работает с известными этнографами-североведами Георгием Николаевичем Прокофьевым и Владимиром Германовичем Богоразом.

В 1930–1931 гг., еще будучи студентом, по направлению Университета и по договору с Комитетом по делам содействия малым народам Севера ВЦИК СССР Г.Д. Вербов проходит производственную практику в качестве культработника, а затем заведующего I Большеземельским

красным чумом в Ненецком национальном округе Северного края. Нарботанные материалы легли в основу подготовленной им брошюры-инструкции «Красный чум» (Вербов 1933). В это время он проводит этнографические исследования в Малоземельской и Большеземельской тундрах, посещает острова Вайгач и Долгий, районы рек Уса и Печора. В 1931–1932 гг. Вербов принимает участие в организации Ненецкого комплексного техникума в с. Оксино³, где работает преподавателем ненецкого языка и экономической географии, заведующим учебной частью (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19; Д. 150; Д. 166. Л. 5 об., 7 об., 11–11 об., 13; Д. 167. Л. 22–32, 37–39, 41–45, 62; ЦГА СПб. Ф. Р-4331. Оп. 42. Д. 345. Л. 3–3 об.; Ф. 9471. Оп. 2. Д. 12, Л. 9–9 об.). В 1932 г. он возвращается в Ленинград, где ему были предложены на выбор: должность научного сотрудника в Музее антропологии и этнографии АН СССР, сотрудника Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера (ИНС) или аспирантура в том же институте. Григорий Давыдович выбрал последний вариант и, сдав экзамены, поступил в аспирантуру ИНС со специализацией в области самодийских языков (1932–1935). Во время учебы в аспирантуре и после ее окончания он преподавал ненецкий язык на кафедре национальных языков в Институте народов Севера (1931–1934) и на северном факультете Педагогического института им. А.И. Герцена (1933–1935), работал в качестве редактора по финно-угорским и самодийским языкам в национальном (северном) секторе Издательства учебной и педагогической литературы (1932–1934) (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 166. Л. 4 об.–5 об., 7–7 об., 9 об.–12 об., 16–16 об.; Д. 167. Л. 45–46, 56; ЦГА СПб. Ф. Р-4331. Оп. 42. Д. 345. Л. 3 об.; Ф. 9471. Оп. 2. Д. 12, Л. 9 об.).

Итогом аспирантуры стала защита в 1935 г. диссертации кандидата лингвистических наук по теме «Диалект лесных ненцев» (описание грамматики и лексики диалекта лесных ненцев на основе латинского алфавита) (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 117–119; ЦГА СПб. Ф. Р-9471. Оп. 2. Д. 12. Л. 1). В оценках диссертационного исследования (Д.В. Бубрих, Н.Н. Поппе, Г.Н. Прокофьев) подчеркиваются свежесть и надежность материалов, собранных лично диссертантом, основательность работы, а главное – возможность закрытия «белого места» на лингвистической карте и получение новых оснований для дискуссии «между финляндским и советским языкознанием» относительно уральского или саянского происхождения языка (диалекта) лесных самодийцев (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 120). В основу диссертационного сочинения легли материалы экспедиции (июнь–август 1934 г.) на водораздел рек Аган и Пур (северо-восточная часть Остяко-Вогульского и юго-восточная часть Ямальского национальных кругов) к практически неизученным лесным ненцам (*пян хасава*). Помимо проводимых по заданию Комитета нового алфавита исследований диалекта лесных ненцев им

были собраны богатые материалы по топонимии, этнографии, образу жизни и отношению к советскому строительству лесных самодийцев и угров, проживающих на реках Ляпин (д. Зенькова) и Аган (Аганская и Вар-Еганские фактории). Экспедиция оказалась весьма сложной из-за труднодоступности территорий, крайне недоброжелательного отношения местных ненцев и хантов в связи с «войной» на Казыме (Казымским восстанием 1934 г.) и в целом негативного отношения к советской власти и социалистическому строительству (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23; Д. 115; Д. 166. Л. 11 об.–12; Д. 167. Л. 50–53). Материалы экспедиции не были опубликованы, но по ее результатам была подготовлена статья «Лесные ненцы», где дана развернутая характеристика народа, уточнены границы расселения, численность и родовой состав (Вербов 1936). А в 1939 г. вышла его статья «Пережитки родового строя у ненцев», характеризующая родовой состав и особенности экзогамии лесных ненцев и аганско-тромъеганских хантов (Вербов 1939).

После защиты диссертации Г.Д. Вербов был принят научным сотрудником в Комитет нового алфавита народов Севера при ВЦИК СССР. В конце января того же года, «согласно личному желанию», Вербов был командирован на два года в Ямало-Ненецкий округ Омской области (рис. 1) в качестве ученого секретаря Окружного комитета нового алфавита (1935–1937) (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 166. Л. 5 об., 12–12 об.; Д. 167. Л. 54–55, 57, 59–68).

Рис. 1. Григорий Давыдович Вербов. Полуостров Ямал. 1936 г. МАЭ И 1162-3.
Негатив на стеклянном носителе

В округе он принимает непосредственное участие в создании ненецкой письменности, переводит и редактирует учебники и учебные пособия, ведет кружки по изучению ненецкого языка, преподает на курсах ликвидации неграмотности, собирает фольклорные материалы, работает над созданием словаря (см.: Краткий ненэцко-русский и русско-ненэцкий словарь 1937; Ненэцкие сказки... 1937). Вместе с Г.Н. Прокофьевым и А.П. Пырерка занимается подготовкой и изданием общественно-политической и художественной литературы на ненецком языке. В конце 1930-х гг. переводит на русский язык первые прозаические и драматические произведения ненецких авторов Николая Вылка (повести «Мария», «На острове»), Ивана Ного (пьесы «Шаман», «Вавлё Ненянг»), А.С. Тайберей («Ненецкие повести») (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 144–148). Одновременно ему удастся провести этнографические исследования в Ямальской и Гыданской тундрах.

В марте 1938 г. Г.Д. Вербов был временно принят на должность младшего научного сотрудника в отдел Сибири Института этнографии АН СССР (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 166. Л. 33, 36). Главной исследовательской задачей, поставленной перед молодым ученым, стало изучение тундровых ненцев, расселенных на огромной территории от низовьев Енисея (Таймырский (Долгано-Ненецкий) национальный округ Восточно-Сибирского края СССР) на востоке до Большеземельской тундры (Ненецкий национальный округ Архангельской области) на западе. По заданию института Вербовым была организована экспедиция по сбору статистических, этнографических, экономических данных и материалов по советскому строительству для сибирского тома четырехтомника «Народы СССР» (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 167. Л. 69–78, 80–85; Д. 175). Экспедиция проходила с 20 мая 1938 г. по 20 июля 1939 г. по маршруту Енисей–Таз–Пур–Обь–Печора–Мезень. Только ее «полевая часть» (путь на лодках, оленьих упряжках и пешком) составляла более 6 тыс. км. Масштабная по задачам, расстоянию и продолжительности экспедиция в три национальных округа – Таймырский, Ямальский и Ненецкий – охватывала все группы расселения ненцев, включая периферийные (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 166. Л. 18; Д. 168. Л. 9; Д. 106, 132). В своих дневниках Вербов назвал этот маршрут от Таймыра до Белого моря «трансненецким» (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 96; Д. 96. Л. 15).

После успешной экспедиции 1 апреля 1939 г. Григорий Давыдович был зачислен в штат Института этнографии АН СССР на должность старшего научного сотрудника Кабинета Сибири (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 167. Л. 18, 25, 36). В обсуждении развернутого доклада по итогам экспедиции отмечалось, что материалы, собранные молодым исследователем по ненцам, энцам, нганасанам, эвенкам, кетам, селькупам, могли институту «выполнить одну из ответственных

правительственных задач» – «завершить Сибирский том». Не имея изначально средств на приобретение коллекций (это была экспедиция «кабинета Института», а не музея), Вербову тем не менее удалось собрать 85 предметов культуры и быта сибирских народов, сделать порядка 250 зарисовок и 200 фотографических снимков, подготовить свыше 10 карт и планов, заполнить более 350 страниц этнографических записей и 700 страниц разных документов (метрические книги, расписки о крещении, выписки из судебных дел, статистические данные, документы по советскому строительству и т.д.) (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 132. Л. 2, 7 об.–8; Д. 166. Л. 18). Вербов использовал любую возможность сбора научных материалов, несмотря на бесконечные сложности передвижения и обострившиеся болезни. «Еще целых 2½–3 месяца тундровых скитаний! Ну что ж, я сам это предложил. Теперь такой случай, не воспользоваться редкой возможностью посетить за один маршрут всех групп ненцев было бы ошибкой, которую ничем я сам не мог бы извинить даже перед самим собою. <...> надеюсь довести дело до конца», – писал он в дневнике, принимая решение, после трудного перехода через Полярный Урал в Большеземельскую тундру, обследовать Тиманскую, Малоземельскую и Канинскую тундры, а не просто «весновать» в Мезени (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 48–49). Оценивая громадную и самоотверженную полевую работу именитые исследователи Д.К. Зеленин, С.И. Иванов, Г.Н. Прокофьев, В.В. Струве назвали экспедиционные изыскания Вербова «подвижничеством», «научным героизмом» и «подвигом» (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 132. Л. 22 об.–25 об.).

В октябре 1940 г. Г.Д. Вербов был назначен заведующим отдела Сибири Музея Института этнографии АН СССР, а с февраля 1941 г. – заместителем заведующего сектором (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 166. Л. 16 об., 18, 36). В период работы в институте он готовит к публикации труды участника Академической экспедиции 1768–1774 гг. В.Ф. Зуева (Вербов 1947) и материалы по фольклору ненцев (Ненецкие сказания и былины 1937; Ненецкие загадки 1947). С осени 1940 г. доцент Вербов читает курс этнографии ненцев и курс ненецкого языка в Ленинградском государственном университете. В июне 1942 г. жизнь талантливого исследователя трагически оборвалась – добровольно вступив в дивизию народного ополчения и попав на Ленинградский фронт, Григорий Давыдович Вербов погиб в возрасте тридцати трех лет (похоронен в братской могиле близ станции Понтонная) (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 167. Л. 89–93; Омельчук 1982: 106–108, 127–128; Вербов 2003). Уже после смерти ученого выходят его статьи: «О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в.» (1945; подготовлена на основе доклада, зачитанного на заседании Всесоюзного географического общества) (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 138) и «Диалект лесных ненцев» (1973). В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого

(Кунсткамера) РАН хранится научное наследие Г. Д. Вербова, включающее документы научного архива, предметное (вещевое) собрание и иллюстративные коллекции.

Научный архив МАЭ РАН

В научном архиве МАЭ РАН выделен Фонд № 2, в котором собраны материалы, относящиеся к биографии, научной и просветительской деятельности Г.Д. Вербова⁴. Фонд формировался в три этапа: (1) основная часть документов поступила в 1947 г.; (2) партия дополнительных материалов была включена в 1964 г.⁵; (3) в 2009 г. фонд был дополнен двенадцатью новыми делами, связанными с научной работой Вербова (1909–1941).

Фонд № 2 выстроен по хронологическому-тематическому принципу. Под первыми номерами (Д. 1–4) в описи зарегистрированы собранные Вербовым в разное время архивные документы XIX в.: оригиналы метрических книг для записи родившихся, бракосочетавшихся и умерших за 1829–1846 гг. Архангельской духовной консистории Мезенского уезда Большеземельского прихода, выписки из архива Переводческой комиссии при Архангельском комитете Православного миссионерского общества об евангелии и грамматике на ненецком языке, «подписки» самоедов-язычников, желающих присоединиться к православной церкви. Далее следуют печатный документ об экспедициях по Тобольскому Северу за период 1900–1927 гг. (Д. 6) и картографический материал из архива Вербова, включающий печатные типографские карты с его пометами, и карты, выполненные им самим от руки в ходе экспедиционных исследований (Д. 7). Самый большой блок составляют неопубликованные полевые материалы Г.Д. Вербова: дневники экспедиций, реальные записи этнографических и антропологических наблюдений, авторские зарисовки, записи нарративов на русском и ненецком языках, лингвистические материалы, словари и фольклорные записи, статистические (численность, этнический, фамильный и возрастной состав, расселение, социальное положение, образование и др.) материалы, сведения о результатах советского строительства на Крайнем Севере (материалы землеустроительных экспедиций, данные по экономике, организации и административному устройству округов, народно-хозяйственные планы и отчеты, мероприятия народного образования и медицинской помощи коренному населению и др.) (Д. 5, 8–106).

Подробные дневники велись Г.Д. Вербовым практически во всех его экспедициях на Крайний Север: Архангельск и остров Колгуев, Малая и Большая Земля (Кузнецкая губа, пролив Югорский шар, Варандей, становище Хабарово), Коми край (культбаза Хоседа-Хард, Ось-Вань, Колва, Усть-Усы, Сем-Андрей, Усть-Цильма, Оксин на рр. Уса и Печора), Нарьян-Мар, Салехард, Нижнее Приобье и Ямал (культбаза Яр-

Сале, Тобалько, Ядня, Катравож), Подкаменная Тунгуска и Енисей. Дневниковые записи выполнены, как правило, карандашом или чернильной ручкой (нередко карандашная запись обведена чернилами); в целом сохранность их удовлетворительная. Многие полевые дневники и записи нарративов включают авторские зарисовки орудий промысла, предметов быта, орнаментов, одежды и утвари с подписями деталей на ненецком языке и авторскими комментариями (рис. 2–7) (Д. 8, 15, 49, 62, 64, 65, 71, 72, 75–79, 85, 101, 105, 127, 130, 173).

В текстах дневников встречаются копии и выписки из документов (Д. 19, 64, 66), протоколы собраний и автобиографии ненцев-активистов (Д. 10, 20), схемы расселения и кочевания (Д. 7, 30), подборки родовых и семейных тамг (Д. 26), фольклорные записи. Трогательны обнаруженные в нескольких дневниках своего рода закладки – тундровые растения, собранные Вербовым во время экспедиций в Малоземельскую и Большеземельскую тундры (Д. 15, 16).

Полевые материалы Вербова до сих пор не опубликованы, хотя о необходимости их издания речь идет на протяжении десятилетий, с момента, когда сам Григорий Давыдович начал готовить план такого издания (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–7). Отдельные темы по материальной и духовной культуре ненцев и энцев нацелено прорабатывались им как в поле, так и во время работы в институте (Д. 71–72, 74–85, 101–105, 121, 127–131, 173). На заседании кабинета Сибири от 4 мая 1940 г. обсуждался «черновой набросок проекта монографии “Ненцы”» (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 136 (непронумерованные листы)). Воплотить эту идею довелось ученице Вербова Людмиле Васильевне Хомич (1966).

В экспедиционных записях прослеживается интерес Вербова к системе родства и родовой структуре коренных народов Севера. В его материалах представлены антропологические наблюдения, генеалогии, пофамильные списки, перечни родов кочевников, родовые и семейные тамги (Д. 1–2, 20, 24, 26–28, 67, 81, 84–86, 89, 104–105, 115, 128). Богатейшей частью фонда являются материалы по ненецкому языку и на ненецком языке, имеющие огромную научную и мемориальную ценность, поскольку именно они легли в основу учебников, диссертации, научных статей и докладов Вербова. В фонд включены многочисленные словарные рукописные записи разных лет, материалы по транскрипции, словообразованию, морфологии, фонетике, синтаксису, лексике, диалектическим особенностям самодийских языков, рецензии на словари и учебные пособия, планы и программы изучения ненецкого, планы и отчеты Комитета нового алфавита (Д. 3, 31–37, 40–45, 67, 141–143, 150–154). Помимо дел, непосредственно связанных с созданием письменности, в фонде хранятся уникальные фольклорные материалы (сказки, загадки, легенды, частушки) (Д. 35–36, 38–39, 46–63).

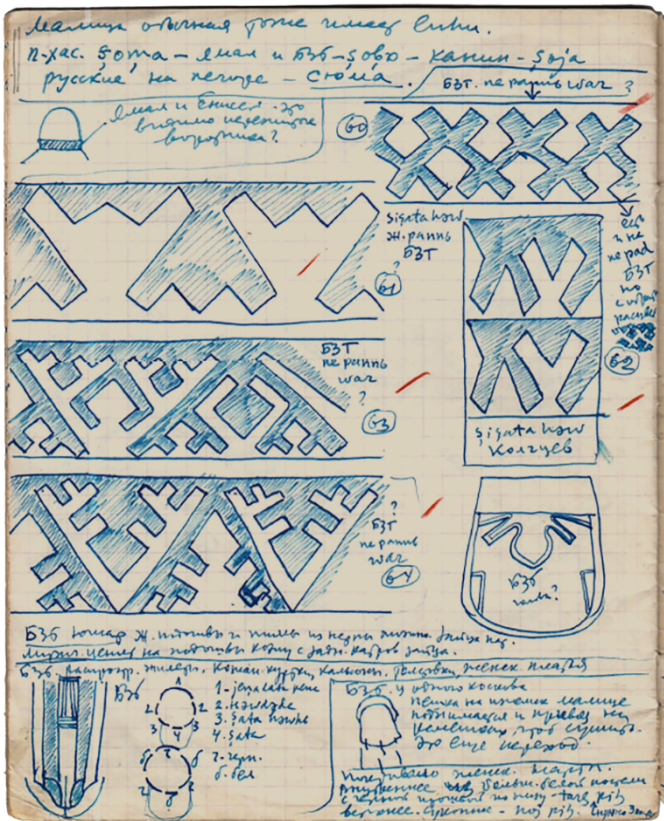

Рис. 2. Страница полевой тетради (записи и зарисовки) Г.Д. Вербова «Орнаменты и одежда». НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 77. Л. 11 об.

Рис. 3. Женская сумка для швейных принадлежностей. Ненцы. Большеземельская тундра. Собиратель Г.Д. Вербов, не позднее 1932 г. МАЭ РАН № 4590-9/2

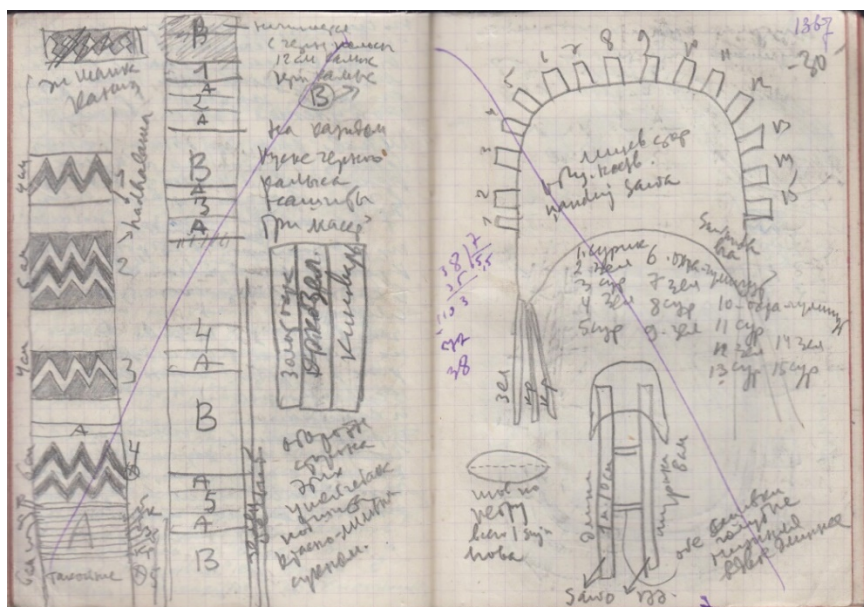

Рис. 4. Ненецкая женская шапка. Страница полевой записной книжки Г.Д. Вербова.
НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 101. Л. 29 об.-30

Рис. 5. Ненка в зимней одежде, украшенной аппликациями из оленьего меха.
Полуостров Канин, 1935 г. МАЭ И 1162-170. Негатив на стеклянном носителе

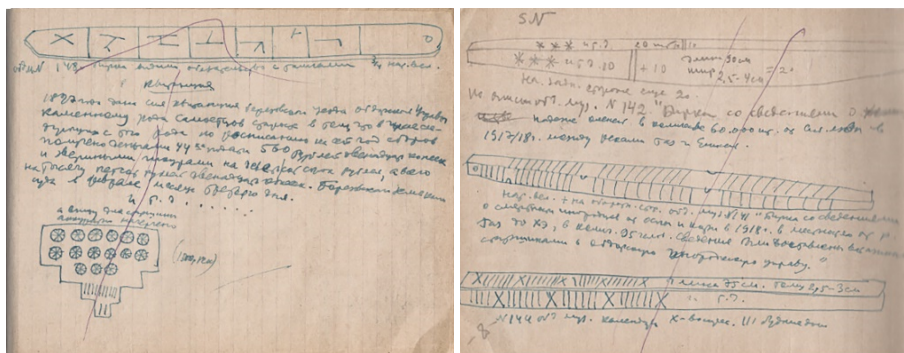

Рис. 6. Бирки. Страницы из блокнота Г.Д. Вербова с полевыми записями
«О наследовании, приданом, рыбном промысле, торговле». НА МАЭ РАН.
Ф. 2. Оп. 1. Д. 64. Л. 8–8 об.

Рис. 7. И.о. секретаря Нейтинского совета А.И. Орлов с бирками оленьего стада
совета. Река Сё-Яха. Полуостров Ямал, июль 1936 г. МАЭ И 1162-29.
Негатив на стеклянном носителе

Отдельным блоком в Фонде № 2 представлены научные труды Г.Д. Вербова: доклады и докладные записки, тезисы и статьи, диссертация и отзывы на нее, программы и планы работ, рецензии, переводы; сюда же включена статья М.М. Броднева о Вербове (Д. 107–149). Последними в описи значатся дела, касающиеся просветительской деятельности Вербова в Ненецком национальном округе (Д. 150–165). Биографические материалы Г.Д. Вербова 1912–1940 гг. (Д. 166–168, 170, 180) и личная переписка (Д. 169, 177, 178, 179) объединены в ряд отдельных дел.

Музейные коллекции

Согласно книгам поступлений, в фондах МАЭ РАН (отдел Сибири) хранится 18 этнографических коллекций, привезенных Г.Д. Вербовым из поездок на Крайний Север, общей численностью 239 предметов (603 единицы хранения)⁶. Даты регистраций материалов свидетельствуют о нескольких этапах формирования собрания с 1932 по 1947 г. Первые поступления датируются летом 1932 г.: коллекции МАЭ № 4580, 4581, 4585, 4586–4593. В 1939 г. были зарегистрированы коллекции под номерами МАЭ № 5703–5707 и 5709. Большая часть предметов поступила после его командировок на Север (№ 4580, 4581, 4585–4589, 4592, 4593, 5706, 5707); незначительная часть коллекций была передана в дар (№ 4695, 5703–5705) и приобретена закупкой (№ 4590, 4591). Коллекция МАЭ № 4695 была передана в фонды музея уже после смерти Вербова его сестрой Ольгой Давыдовной Шиллингер в 1947 г.

Среди поступивших от Г.Д. Вербова предметов самое большое собрание – 12 ненецких коллекций, общей численностью 144 предмета (458 ед. хр.) (МАЭ № 4580, 4581, 4585–4593, 4695) – были приобретены в Малоземельской и Большеземельской тундрах, на острове Новая Земля. В составе коллекций – модель чума и домашняя утварь (МАЭ № 4580, 4585, 4590), одежда и украшения (МАЭ № 4581, 4592), детские игрушки (МАЭ № 4591), предметы культа (МАЭ № 4587, 4593), орудия и оружие (МАЭ № 4586, 4589, 4695), орудия обработки дерева, рога, кости (МАЭ № 4588). Собрание Вербова с низовий Енисея (Усть-Енисейский район Таймырского национального округа), помимо ненецких культовых предметов (шаманский костюм, атрибуты, духи-покровители) и игрушек (МАЭ № 5704, 5707), включает предметы материальной (одежда и украшения) и духовной культуры (шаманский костюм и атрибуты) энцев (МАЭ № 5703, 5706) и долган (МАЭ № 5705); всего 85 предметов (132 ед. хр.). Кроме того, в фондах МАЭ РАН представлена коллекция из 10 (13 ед. хр.) археологических предметов (каменные орудия, керамика), собранная Вербовым в низовьях р. Печора (МАЭ № 5709).

Наиболее многочисленная этнографическая коллекция по культуре и быту ненцев была приобретена Г.Д. Вербовым во время его пребывания

в Ненецком национальном округе Северного края в 1930–1932 гг., где он работал отчасти по заданию профессора В.Г. Богораз-Тана (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 166. Л. 20). Сбором коллекций материальной и духовной культуры Вербов, судя по дневникам, уделял немалое внимание. Даже в подборках бытовых коллекций чувствуются глубокие этнографические знания, профессионализм и внимание к деталям. В полевых отчетах отражены нацеленность на полноту и разнообразие комплектования предметов по разным темам. Так, собирая коллекции меховых сумок, игрушек и орнаментов, Вербов в дневниках¹ описывает разные ситуации, в которых он предстает и как знаток ненецкой культуры, и как дотошный коллекционер, и как тонкий дипломат.

Утром зашел к Андрею и у его жены купил сумочку для швейных принадлежностей с пришитой к ней маленькой сумочкой, футлярами для наперстков и приспособлением для хранения иглол. У другой самоедки променял на наперсток и пуговицы другую, старую сумку, но с интересным узором. <...>. Вечером... сделали самоедскую игрушку – wewko – дощечка с двумя дырочками, в которые продета жила. При скручивали и раскручивали дощечки гудят. Купил и променял на сукно терку для нюхательного табаку, большую сумку, два образца узора, скребок для мездры, палку для сколачивания снега и несколько wewko. 12 мая 1930 г., Малоземельская тундра (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 8, 9 об.).

В одном из чумов купил медную табакерку для нюхательного табака <...>. И я выменял у Ивана с придачей денег его нож с поясом, а у его матери сумочку с подвесками из копыт пыжиков и целую tenko <...>. Улеглись спать, было довольно темно из-за пасмурной погоды. Вдруг слышим детский голос. В чум явились одна за другой три самоедки с ребятами. Оказалось, что это ко мне, т.к. слышали, что мне нужны rátko и у меня есть сукно. Приехали ночью с ребятами черт знает откуда. Зажгли фонарь, в котором почти не было керосина, и начался торг, в результате я получил две больших и одну маленькую rátko, один узор... и пыжиковые копыта. 13–14 мая 1930 г., Малоземельская тундра (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 10 об.–11 об.).

При формировании коллекций Вербов не только выменивал, но и специально заказывал некоторые предметы:

Раздобыл целый мешок игрушек гл. образом кукол в малицах и паницах с утиными и гагачьими носами вместо голов, сейчас собираюсь их переписывать и нумеровать. 15 мая 1930 г., Малоземельская тундра (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 18 об.–19).

Все утро Рара'we сидела за шитьем. Сумочка была прекрасная, с узором и с красной раскраской верха. Когда сумочка была готова, то Маланья, мать Семена, наш обычный парламентер, сообщила, обращаясь ко мне, что сумочка готова <...>. Кроме сумочки раздобыл у нее один узор и заказал еще несколько. 22 мая 1930 г., Малоземельская тундра (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 37 об.).

¹ Здесь и далее в выдержках из дневника орфография и пунктуация сохранены. – Авт.

Пара'we сделала мне 4 прекрасных меховых узора. Александра закончила пимы с лептами, теперь будет шить табаки. Начал делать модель чума размером 1/10 со снятого мною размера у Семена. 28 мая 1930 г., Малоземельская тундра (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 49).

Первыми закупками, исполненными специально по поручению и на средства Института (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 66, 69–69 об., 78 об.–79, 80 об., 85), стали предметы ненцев, проживающих в Оксино и Нарьян-Маре, и оленеводов, приезжавших в поселки из ближайших тундр. Из Нарьян-Мара в музей было отправлено «семь ящиков с коллекциями» (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 89). В дневниковых записях зафиксированы интересные обстоятельства их приобретения и важная этнографическая информация:

Сделал кое-какие закупки. У «Noloko» (Выучейского) купил тобары, старую малицу, рога для пороха... и обод для пензера с ударником⁷. Он говорит, что это все из Тим[анской] тундр[ы]. Говорит, что пензер принадлежал когда-то его родственнице-шаманке. Шаманам делали пензеры «простые смертные». За хороший пензер давали быка... Шаманили якобы по наследству. <...>. Вечером купил в госторге образцы некоторых товаров, продававшихся ненцам. 6 июня 1932 г., Оксино.

Достал у Настасьи и Игнатия Сядэй рідерс (ижемскую), гаһаг, ножницы, жильную веревку для wandoko han. Сегодня заказал им же модель чума и 7 моделей саней. Не знаю, сделают ли. У старухи Екатерины вдовой, которая живет здесь временно (на лето), т.к. у ее зятя, кот [орый] ее содержит, мало оленей – купил ряд вещей; в том числе меховые штаны «para pigme» и др. 8 июня 1932 г., Оксино.

Вечером взял лошадь и съездил в Собские юрты, км за 5 от Катравожя. Купил там порядочно вещей. Характерно, что здесь, как и у ненцев – женская одежда, утварь и частично даже мужская одежда продается лишь с полного согласия жены (раздельное владение имуществом). Например, у пред[седателя] колхоза, очень развитого и передового ханты – Василия Пуябри, я долго не мог добиться согласия на продажу кисов, т.к. его жена не желала их продавать.

Когда я заговорил о продаже барабана и идолов, все, как и следовало ожидать, отговорились незнанием, отсутствием этих предметов и т.д., но очень весело смеялись, отнюдь не показывая стеснения от того, что затрагивались «небесные» дела. 14 декабря 1936 г., юрты Собские, р. Собь (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Л. 7–8).

Бывали и курьезные случаи:

В одной из юрт я купил узорчатые кисы и чуть было не купил малицу. Дело было так. В юрте оказался гость – ханты-олeneвод, который, правда не сразу, изъявил согласие продать свою малицу (новую). Сговорились о цене. Я уплатил деньги, написал расписку и дал своему клиенту ее, что б он поставил свою тамгу. Когда он, весьма, впрочем, неохотно, проделал это, я, взяв от него расписку, стал ее складывать вдвое и совсем неожиданно, при полной тишине, разорвал ее на двое. Все вздрогнули. Я посмотрел, оказалось, что оторвана нижняя часть бумажки с клеймом. Я спокойно попросил поставить клеймо снова, т.к. места еще оставалось достаточно, но мой ханты заявил, что все мол кончено. Сама бумажка

разорвалась и, видимо, малица «не хочет ко мне идти». Мы с Каневым потратили добрых полчаса, чтобы убедить хозяина малицы в необоснованности его страхов. Он с явной неохотой поставил свое клеймо вторично. Но когда я уже хотел забирать малицу, он отказался, ссылаясь на то, что мы якобы не включили в договорную цену сорочку. Пришлось отказаться, т.к. колебание (он просил добавить еще 10 р.) вызвало бы много лишних расходов в будущем. *13 декабря 1936 г., юрты Картавожские, р. Сось* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Л. 4–6).

К ценным собраниям сам Вербов и его коллеги относили приобретенные в ходе экспедиции 1938–1939 гг. эвенкийские коллекции – костюм шаманки (нагрудник, обувь, шапку, глазную повязку и бубен с колотушкой), боевые и охотничьи стрелы, курительные трубки с ковырялками (рис. 8, 9), женские нагрудные украшения со штампованным орнаментом и инструменты для их изготовления (МАЭ № 5703, 5706), а также ненецкие культовые предметы – духи-божества разных рангов, шаманские лук и посох и др. (МАЭ № 5707) (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 132. Л. 8–8 об.). В отчете Вербов писал:

Как я их доставал, подробно не стоит рассказывать. Всякий этнограф в полевых условиях, когда имеется контакт с данным народом, при известных условиях может это сделать. Некоторые предметы я купил для себя, но так как я у себя музея не устраиваю, то я передал их в дар музею в дополнение к тем коллекциям, которые достал бесплатно. Некоторые средства были израсходованы только на перевозку этих вещей (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 132. Л. 22–22 об., 23 об.).

Приобретение и составление описания костюма шаманки (рис. 10–13) произошли исключительно благодаря «этнодипломатии»:

Еще полтора м-ца назад Костя Силкин сообщил мне, что у одной старухи Вај, бывшей шаманки, есть бубен, костюм и прочее. С месяц он обрабатывал ее по моей указке. Затем я был у нее с визитом <...>. Сегодня с утра тоже занимался дипломатией и притом очень сложной: ее сын женился, и отец его жены требует калым в 5 оленей. Молодожен не хочет платить и не желает возвратить жену ее отцу. Я пока что поверенный в этом деле. Разъяснил, что оленей давать ни в коем случае не следует и что молодая может оставаться у мужа независимо от воли отца. Это пробудило ко мне немалые симпатии. Попутно я намекнул, что шаманские атрибуты не следует прятать и т.п. Словом, сегодня мне вручен бубен, полная одежда шаманки (Вај) и еще кое-что (все это, конечно, с ведома нац. совета). На этих днях постараюсь пригласить старуху к себе, чтобы на досуге записать значение и название отдельных деталей. *5 октября 1938 г., Гольчиха, Таймыр* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. 44 об.–45).

Утром работал дома. День посвятил изуч[ению] шаманского костюма. Записал назв[ания] и символику. Для этого владелицу (бывшую) костюма и бубна, старуху Sawone Bai, пришлось, не без труда, привести из чума ко мне. Она отговаривалась головной болью, незнанием и пр. Все-таки с трудом развязал ей язык, весь день работал с нею. Записал также с ее слов ее «шаманскую» биографию. *7 октября 1938 г., Гольчиха, Таймыр* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. 45 об.).

Рис. 10. Головной убор шаманки. Энцы. Таймыр, 1936 г.
Собиратель Г.Д. Вербов. МАЭ № 5706-22

Рис. 11. Повязка на глаза шаманская. Энцы. Таймыр, 1936 г.
Собиратель Г.Д. Вербов. МАЭ № 5706-10

Рис. 12. Нагрудник шаманский. Энцы. Таймыр, 1936 г.
Собиратель Г.Д. Вербов. МАЭ № 5706-3

Рис. 13. Кафтан шаманский. Энцы. Таймыр, 1936 г.
Собиратель Г.Д. Вербов. МАЭ № 5706-1

Много времени и сил уходило на подготовку и отправку коллекций из экспедиций в Ленинград. Для обеспечения сохранности предметов Вербов заказывал специальные ящики и сам шил для них чехлы.

Ящики мои готовы. Начал шить для них футляры. Завтра м.б. начну паковать коллекции.

Весь день провозился с упаковкой коллекций, т.к. один ящик пришлось перепаковать: был плохо обшит. Все закончено. 25-го думаю отвезти в Воронцово. Завтра начинаю прочие сборы. 21 и 23 октября 1938 г., Гольчиха, Таймыр (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 50 об.–51 об.).

Практически все предметы из собрания отдела Сибири музея были описаны лично Вербовым. Во многих описях сохранились его зарисовки и схематичные рисунки с подписями и аннотациями. Обращая внимание на высокий профессионализм описания предметов ненецких коллекций, Л.В. Хомич писала, что они могут служить «образцом коллекционных описей», поскольку многие сопровождаются соответствующими наименованиями на ненецком языке, а также дополнены превосходными авторскими рисунками и пояснениями (Хомич 2004: 81–82).

Подаренные и приобретенные Г.Д. Вербовым для МАЭ коллекции разнообразны, хотя, по мнению собирателя, фонды по культуре тундровых ненцев недостаточны и требуют пополнения, собрания по культуре энцев представляют собой «случайные собрания, совершенно не дающие общего и достаточно представления об этнографии» народа, а материалы по культуре лесных ненцев вообще не представлены. В этой связи в январе 1941 г. Вербовым был разработан план-обоснование по докомплектowaniu самодийских коллекций в ходе длительных полевых экспедиций в Таймырский национальный округ и Ямало-Ненецкий, и Ханты-Мансийский национальные округа (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 50 об.–51 об.).

Фонд иллюстративных материалов и фотодокументов

Помимо документальных и предметных собраний Г.Д. Вербова в МАЭ РАН хранятся его коллекции визуальных материалов: негативы, фотографии и рисунки (16 коллекций, 633 ед. хр.), датируемые периодом с 1924 по 1939 г. По числу единиц хранения и составу коллекции очень разные: самая многочисленная коллекция МАЭ И 1162 включает 200 ед. хр., коллекции МАЭ И 936, 938, 939, 941, 942 состоят всего из одной ед. хр. В состав коллекций МАЭ И 935–936, 939–943, 1212–1214 входят фотографии и негативы, которые по большей части не дублируют друг друга; в составе коллекций МАЭ И 937, 1160–1162 представлены исключительно негативы, в коллекциях МАЭ И 938 и 1215 – рисунки. Способы поступления также разнятся. Например, коллекции МАЭ И 935–943 переданы в дар, а коллекции МАЭ И 1160–1162 и 1212–1215 приобретены посредством покупки.

Поступления визуальных коллекций регистрировались в несколько этапов с 1938 по 1946 г. Основную часть своих собраний – МАЭ И 935–946 –

Г.Д. Вербов регистрировал лично, используя сугубо этнографический подход: МАЭ И 935 (132 ед. хр.) и МАЭ И 937 (8 ед. хр.) – ненцы, МАЭ И 936 (2 ед. хр.) и МАЭ И 940 (6 ед. хр.) – ханты, МАЭ И 939 (1 ед. хр.) – селькупы, МАЭ И 941 (1 ед. хр.) – коми-ижемцы, МАЭ И 942 (1 ед. хр.) – долганы, МАЭ И 943 (2 ед. хр.) – нганасаны. Коллекция МАЭ И 938 состоит из акварели ненецкого художника Т. Вылки «Языковая гора в Крестовой Губе» (Новая Земля, 1928 г.).

Собрания визуальных материалов МАЭ И 1160–1162 и 1212–1215 были переданы в 1946 г., уже после смерти Вербова, его сестрой О.Д. Шиллингер, и зарегистрированы Е.Д. Прокофьевой. Коллекции МАЭ И 1160 (128 ед. хр.), МАЭ И 1161 (15 ед. хр.) и МАЭ И 1162 (202 ед. хр.) разбиты по народам: ненцы Ямала (негативы и отпечатки 1936, 1937 гг.), лесные ненцы бассейна р. Пур (негативы на стеклянном носителе 1934 г.), ненцы и энцы Канина, Ямала, Гыдана, Таймыра (негативы и отпечатки 1935, 1936, 1937, 1938, 1939 гг.). Коллекция МАЭ И 1213 (88 шт.) – фотоснимки с видами населенных пунктов и пароходов, снятых на Новой Земле, островах Вайгач и Колгуев и побережье Северного Ледовитого океана в 1924–1932 гг.; коллекция МАЭ И 1214 (7 ед. хр.) – снимки с архивных документов; коллекция МАЭ И 1215 (293 ед. хр.) – выполненные Г.Д. Вербовым полевые рисунки 1928, 1930, 1938 и 1939 гг.

Наиболее ранние снимки из фотособрания относятся ко времени работы Г.Д. Вербова преподавателем в Ненецком национальном округе в 1931–1932 гг. Об особом интересе молодого этнографа к фотографии и трудностях приобретения визуальных навыков свидетельствуют дневниковые записи:

Уже больше месяца занимаемся с Н. Б. фотографией. Аппарат у нас отвратительный «Меридиан» (?). Все же несколько снимков вышло. Нету так же никаких принадлежностей. *15 апреля 1932 г., Оксино* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 74 об.–75).

Фотографировал чум с сопки, снимал женщин, нултовку, чум вблизи и т.д. <...> 23-го снимал еще в Оксине ненцев за чаем в Красном уголке и аргиши на площади с крыши госторговского пункта. <...> 27-го дал колхозникам карточки (фото), которыми они были очень довольны. Снимал также сдачу песцов в госторге <...>. Снял еще ненца на легковой запряжке и рыболовный парусник оксинского колхоза. *21–27 апреля 1932 г., Оксино* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 79 об.).

В ходе «трансненецкой» экспедиции 1936–1938 гг. Вербов фотографировал при всяком удобном случае, особенно в летнее время и во время продолжительных стоянок.

Фотографировал: 1) приготовление вагау из березовых обрубков. 2) Я у своей палатки. Оба снимка со светофильтром. д. 45. вых. 1/100. *12 апреля 1936 г., Стоянка Haber iaha, Ямал* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 69. Л. 12).

Фотографировал: 1) Чаепитие ненцев на фактории, 2) Вид зимовки с маяка, 3) Дом фактории и упряжки приехавших. 10 мая 1936 г., фактория Тамбей, Ямал (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 69. Л. 30).

Особо интересовался Г.Д. Вербов культовыми объектами (рис. 14) и предметами, фиксируя их во всех подробностях:

Днем фотографировал. Снял в частности жертвенное место рода Wanujta, которое еще в предыдущую свою экскурсию на мыс, вдающийся в губу, обнаружил. Капище сильно разрушено (видимо, во время постройки знака Убекосибири в 1933 г., находящегося неподалеку): сохранилось порядочно рогов, два sadəj'я и череп нерпы на jale pa. Есть остатки других sadəj'ев и jale pa, но сломанных. Место это я снял (70°15 мин. с. ш.). 9 июля 1936 г., Се-Яга (Сё-Яха), Ямал (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 69. Л. 55 об.–56).

Днем ходил с Борей Бертовым... на юг от фактории, км за 3–4. Он показал мне найденное им в прошлом году жертвенное место. Оно расположено на довольно высоком, травянистом гребне, близ большого озера, км в 4-х–5-ти от устья So jaha. Центром является довольно большой sadəj. Рядом с ним есть другой поменьше, затем (видимо тоже həhə) камень. Наконец около сядсеев в землю воткнуты jala pa, на которую нанизано около десятка черепов осенних телят с рогами. Здесь же лежат нес[олько] рогов и череп, кажется важенки. Место я трижды сфотографировал. Получилось довольно удачно. По сообщению Нənko это место принадлежало Wanujta'м <...>. И служит им для приношения телячьих голов пред началом рыбной ловли и охотой на нерпу. 11 июля 1936 г. Се-Яга (Сё-Яха), Ямал (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 69. Л. 30).

Днем ходил на заснятое вчера жертвенное место. Сделал еще два снимка. Кроме того убедился, что идолов три и что черепа просто поставлены один на другой, а не надеты на палку. Сделал две точных зарисовки (1/4 нат. вел.). Кроме того, проверил по компасу ориентировку идолов. Они стоят «лицом» на SSO. 12 июля 1936 г., Се-Яга (Сё-Яха), Ямал (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 69. Л. 57 об.).

Рис. 14. Жертвенное место рода близ Сёяга в 3,5 км от фактории ГУСМП. Ненцы. Полуостров Ямал, июль 1936 г. МАЭ И 1160-89. Негатив на стеклянном носителе

В отчете об экспедиции 1938–1939 гг. Вербов писал, что снимал двумя фотоаппаратами, «Лейкой» и «Фотокором № 1», используя нечастые моменты хорошей погоды. Однако аппараты часто выходили из строя.

Очередная неприятность и весьма крупная: испортилась моя «Лейка». Ленты не входят в паз до нужного положения. Сомнительно, что мне удастся починить. Хуже сюрприз сложно придумать. Пропадает масса незафиксированного материала. Буду тогда пользоваться только большим аппаратом.

После нескольких часов работы нашел способ заправить ленту так, чтобы она не рвала перфорации. Правда, для этого потребуются при зарядке вынимать объектив. Ну что ж! Лучше так, чем совсем ничего. *29 и 30 августа 1938 г. Гольчиха, Таймыр* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 31 об., 32 об.).

Лейку думаю доставить в Л-град, т.к. она работает плохо, а я к ней вообще-то не слишком привык, да и не имел раньше практики. Одна порча крови. *18 января 1939 г., Салехард, Ямал* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 81).

Несмотря на трудности, Вербов старался снять священные места, ход обрядов и ритуалов. Нередко приходилось прибегать к уловкам, поскольку фотография для туземцев была делом непривычным и, по их мнению, даже опасным.

Сегодня встал рано, т.к. погода была отличная: тихо, солнечно. После чая перебрался на лодке через реку и пошел на стойбище. Сделал там ряд снимков 9×12. У одного из энцев (Sabo) умерла жена. Оказалось, что она уже двое суток лежит в чуме и ее не хоронят, т.к. не могут достать досок... Попросили меня помочь. Я в несколько минут уладил дело, раздобыв у зав. школой три больших тесины. Весь процесс похорон я наблюдал лично и даже принимал активное участие. Хоронили км за 1,5 от стойбища. Я все заснял лейкой. Сделал около 20 снимков. Завтра сделаю описание похорон в реальных записях. *11 сентября 1938 г. Гольчиха, Таймыр* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 35 об.).

В конце дня фотографировал обоз канинских ненцев, привезших груз (куропатку), снял женщину, обоз, мужск[ую] легков[ую] нарту. Произошел конфликт: пьяный хозяин оленей подошел ко мне и заявил, что это его олени и что он запрещает их фотографировать. Т.к. я успел сделать, что нужно было, то немедленно «подчинился». *6 апреля 1939 г. Нижняя Пеша, Канинско-Тиманская тундра* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 96. Л. 8).

Однако при низких температурах во второй половине экспедиции он не мог полноценно работать не столько из-за технических возможностей камер, сколько из-за отмороженных пальцев рук во время ночевки в «куропачьем чуме» на Таймыре (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. 55 об.–56 об.). Вербов был недоволен результатами съемок: «...когда я снимал “Лейкой” при совершенно удовлетворительной температуре, результаты были плачевными», а снимки “Фотокором” при температуре 48°C «были не особенно удачны... за счет моих слабостей, часто затвор открывал, и

приходилось действовать пальцем» (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 132. Л. 6 об.–7, 22 об.). А зимой 1938 г., судя по полевым дневниковым записям, пользоваться фотокамерами стало еще труднее:

Фотографировать не могу, даже пишу с трудом, так как кожа с помороженных кончиков пальцев еще в октябре сходит кусками. Больно и холодно. Особенно мучительно развязывать узлы... *22 ноября 1938 г., стоянка у истоков р. Пяк-Яха* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 63).

Материал пополняется. В этом отношении пожаловаться не могу. Фотографировать я совершенно не в состоянии, т.к. руки могу высовывать из рукавиц максимум на 10–15 секунд, чтобы зажечь спичку, не более. *5 декабря 1938 г., чум Ядня близ устья р. Интик-яха, Таймыр* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 69 об.).

Часть негативов Вербов проявлял на месте и отснятый фотоматериал при первой возможности отправлял в институт в расчете, что так они будут в большей сохранности.

Сегодня фотографировал наших рыбаков, которые выловили за 4 тони 12 пудов рыбы.

Проявлял снятые вчера снимки (4 шт.), относящиеся к нашим рыбакам. 3 получились весьма посредственно. Один – хорошо.

Упаковал проявленные негативы. *14, 15 и 17 июля 1936 г. Се-Яга (Сё-Яха), Ямал* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 69. Л. 58, 59–59 об.).

Вечером, забрав заснятые фильмаки, отправился в Гольчиху (на устье) к учителям, у которых есть темный уголок для фотографии. До ночи проявлял. Результат посредственный. Есть, впрочем, недурные негативы. *14 октября 1938 г. Гольчиха, Таймыр* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 48).

В отличие от предметов культуры и быта, которые были собраны и переданы в музей самим Вербовым, в иллюстративном собрании представлены фотоматериалы как его самого, так и других авторов. Ряд фотографий был приобретен на самоедской культбазе Хоседа-Хард, где работали в 1929–1931 гг. по направлению Комитета Севера Г.Н. и Е.Д. Прокофьевы. В одном из своих дневников Вербов пишет:

Сегодня Екат. Дм. будет печатать мне фотографии, снятые ею и Георгием Николаевичем <...>. Фотографии – 32 шт. – отпечатались отлично.

Поздно вечером мы с Михаилом Петровичем начали печатать фотографии. Легли только в 6 ч. утра. *20 и 22 декабря 1930 г., Культбаза, Большеземельская тундра* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 58–58 об., 59 об.–60 об.).

В зарегистрированной в 1938–1939 гг. коллекции И 935 собраны 132 фотоснимка, «полученные от разных организаций и лиц» в ходе «ненецкой экспедиции в Ямальский и Ненецкий национальные округа». Фотографии, датированные 1934–1938 гг., принадлежат, помимо самого Г.Д. Вербова, еще пятнадцати авторам (А. Ревнивых, Витязев,

И.В. Желтовский, Е. Ленартович, Гашев, В. Ларионов, Вахтрас, Колесников, Е. Черняев, Юрин, Н. Лущик, Сокольников, С.И. Наговицин, В.М. Новицкий). Попытки пополнить фотографическое собрание МАЭ предпринимались Г.Д. Вербовым постоянно. Так, сохранилась направленное «в кабинет Сибири» Института этнографии Академии наук СССР и адресованное Вербову письмо К.И. Башкина из Индигского оленсовхоза Канино-Тиманского района Архангельской области (датировано 19 февраля 1940 г.), где излагаются условия приобретения выполненных им в Тиманской тундре 24 фотографических снимков (оплата по 3–5 рублей за штуку, возвращение непринятых снимков, сохранение авторства при печати и использовании в музее), а также перечень фотографий с подробным описанием. На обороте письма карандашом написано: «Куплены №№ 3, 6, 14, 15, 21, 24» (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 179. Л. 12–16 об.).

Географический ареал представленных в фондах МАЭ РАН визуальных материалов Г.Д. Вербова обширен – Архангельская область, острова Новая Земля, Колгуев, Вайгач, Большеземельская тундра, город Салехард, Таймырский Долгано-Ненецкий автономный округ. Большинство фотографий (свыше 350 ед. хр.) представляют ненцев и их культуру (МАЭ И 935, 937, 938, 1161, 1162, 1214, 1215).

Менее масштабны фотоколлекции по энцам (МАЭ И 1215), хантам (МАЭ И 936, 940, 1161), селькупам (МАЭ И 939), коми-ижемцам (МАЭ И 941), долганам (МАЭ И 942) и нганасанам (МАЭ И 943). Зачастую это фиксация быта коренного населения, пейзажи и виды окрестностей, портреты людей. Особое внимание привлекают негативы и коллекции МАЭ И 1160, на которых запечатлены знаковые моменты советского строительства на Крайнем Севере (демонстрации, встречи делегатов, выставки, городская и поселковая жизнь, памятник Ленину, гидросамолет). К визуальным материалам относятся полевые рисунки 1930–1938 гг., выполненные самим Г.Д. Вербовым (МАЭ И 1215), а также собранные им в 1932–1939 гг. рисунки учащихся-ненцев (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 155).

Жизненный путь этнографа и лингвиста Григория Давыдовича Вербова короток, но ярок. Неутомимый исследователь-полевик и северовед-энтузиаст он, вместе с В.Н. Чернецовым, Б.О. Долгих, Г.Н. и Е.Д. Прокопьевыми, стоял у истоков советского самодоедугроведения (Головнёв 1995: 11–12). Однако громадная часть его наследия (научный архив, этнографические коллекции, иллюстративные материалы и фотодокументы МАЭ РАН) как при жизни, так и после смерти осталась неопубликованной. Вместе с тем, как справедливо отмечал М.М. Броднев, его труды благодаря проведенному в ненецких чумах счету времени,

измеряемому в отличие от предшественников (Зуева, Кастрена, Якобия, Житкова, Евладова), не месяцами, а годами, а также благодаря его удивительной работоспособности, «выделяются убедительностью, насыщенностью фактологическим материалом, обоснованностью выводов», а его публичные доклады и выступления – аргументированностью, прекрасными иллюстрациями и примерами (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149. Л. 1, 4, 6). Главным козырем молодого ученого было совершенное знание ненецкого языка и любовь к ненецкой культуре. Как писал о Вербове тот же Броднев, «малицу и кисы он носил так же [как] франтоватые ненцы, не хуже заправского ненца управлял оленьей упряжкой, и его в тундре уважительно называли “нобтики хасава” (все равно [что] ненец)» (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149. Л. 6, 8).

Полевая работа Вербова предполагала глубокое этнографическое погружение, ведение подробных дневниковых записей и их последующую систематизацию, визуальное сопровождение в ходе экспедиций (фото, рисунки, карты) и собирательскую деятельность по пополнению музейных коллекций. Подобные опыты совершались в XVIII и XIX вв. в ходе академических и кругосветных экспедиций, но, в отличие от своих предшественников, Вербов не просто объехал все группы северных самодийцев, но и работал среди ненцев и с ненцами на протяжении нескольких лет. Включенное наблюдение для него было не полевым методом исследования, а обыденной реальностью.

Наследие Вербова привлекательно и значимо тем, что оно многомерно: дневники экспедиций и реальные записи этнографических и антропологических наблюдений дополняются визуальным рядом (рисунки, фотодокументы) и собраниями этнографических коллекций; все этнографические материалы сопровождаются записями на туземных языках. В 2023 г. Центром арктических исследований МАЭ (рук. А.В. Головнёв) и Научным архивом МАЭ (была осуществлена полная оцифровка научного фонда Вербова (182 ед. хр.)) начата подготовка издания его сочинений и материалов.

Примечания

¹ Этим стихом Г.Д. Вербов заканчивает полевую тетрадь, начатую 29 мая на пароходе «Мария Ульянова» на р. Енисее 29 мая 1938 г. и путешествующую с ним почти год по ненецким тундрам (экспедиция Енисей – Обь – Печора). НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 99.

² До 1933 г. – Музей антропологии и этнографии; с 1934 г. – Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР, с 1937 г. – Институт этнографии АН СССР; с 1943 г. – Ленинградское отделение Института этнографии и антропологии АН СССР; с 1992 г. – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

³ С 1934 г. переименован в Ненецкий педагогический техникум и переведен в Нарьян-Мар; с 1937 г. – Нарьян-Марское педагогическое училище; ныне – Нарьян-Марский социально-гуманитарный колледж им. И.П. Выучейского.

⁴ См.: Фонд 2. Вербов Григорий Давыдович (1909–1942), этнограф, старший научный сотрудник, зам. заведующего сектором, кандидат лингвистических наук. Полевые

материалы и научные труды (1829–1941). Л., 1984. URL: https://www.kunstkamera.ru/museums_structure/nauchnyj_arhiv_mae

⁵ Изначально фонд, согласно четырем описям, составленным И.Я. Треноговым, включал 149 единиц хранения; позднее он был переработан: изъяты опубликованные материалы, лишние копии, выписки из литературы, аспирантские лекции, кроме того, были перерегистрированы документы, представленные под общим названием; согласно новой описи, подготовленной заведующей архивом И.В. Жуковской, фонд включал 170 ед. хр. (1829–1941 гг.).

⁶ На настоящее время идет процесс атрибуции, сверки наличия предметов из коллекций МАЭ № 4580, 4581, 4585–4593, 4695, 5703–5709, создания и заполнения карточек предметов в БД КАМИС для последующей публикации в Государственном каталоге РФ.

⁷ Бубен с колотушкой.

Список источников

- Научный архив Музея антропологии и этнографии РАН (НА МАЭ РАН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 15, 17, 19, 23, 69, 70, 95, 96, 106, 109, 111, 115, 117, 118, 119, 120, 132, 136, 137, 138, 144–150, 155, 166, 167, 175, 179.
- Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГАСПб). Ф. Р-1772. Оп. 8. Д. 60; Р-9471. Оп. 2. Д. 12; Ф. Р-4331. Оп. 4. Д. 424; Ф. Р-4331. Оп. 42. Д. 345.
- Алексеева Л.В.* Этнограф Г.Д. Вербов и его вклад в изучение ненцев // Самодийцы: материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». 10–12 декабря 2001 г., г. Тобольск. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2001. С. 182–183.
- Броднев М.М.* Статья о Г.Д. Вербова. Ноябрь, 1966 г. 29 // Научный архив МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149.
- Буркова С.И.* Нобткы хасава (о Григории Давыдовиче Вербова) // Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике (Новосибирск, 26–28 октября 2010 г.) / отв. ред. С.И. Буркова. Новосибирск, 2010. С. 7–19.
- Вербов Г.Д.* Красный чум. Л.: Lenpartizdat, 1933. 14 с.
- Вербов Г.Д.* О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. // Известия Всероссийского географического общества. 1945. Т. 75, вып. 5. С. 16–23.
- Вербов Г.Д.* Пережитки родового строя у ненцев // Советская этнография. 1939. № 2. С. 43–66.
- Вербов Г.Д.* Письма с фронта студентам филологического факультета ЛГУ // Из истории Кунсткамеры: 1941–1945. СПб.: МАЭ РАН, 2003. С. 115–123.
- Вербов Г.Д.* Василий Федорович Зуев (предисловие) // Зуев В.Ф. Материалы по этнографии XVIII в. М., Л., 1947. Л. 1–16 (ТИЭ. Научный сборник. Т. 5). С. 1–16.
- Вербов Г.Д.* Язык лесных ненцев // Самодийский сборник. Новосибирск, 1973. С. 4–190.
- Вербов Г.Д.* Лесные ненцы // Советская этнография. 1936. № 2. С. 57–70.
- Головнёв А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995.
- Краткий ненэцко-русский и русско-ненэцкий словарь. Салехард, 1937.
- Лявская М.Д.* Первый ученик (о Григории Давыдовиче Вербова) // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. СПб.: Наука, 2005. С. 197–206.
- Музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского (Салехард) (МВК). ЯНМ-640-5; ЯНМ-9238/8, 11, 17; ЯНМ-10658/6, ЯНМ-11882, ЯНМ-15974/2; НВФ-3262/1-6; НВФ-3765, НВФ-7770/1-4
- Ненэцкие сказки и былины (из ненэцкого фольклора). Салехард, 1937.
- Огрызко В.В.* Так начиналась литература ненцев // Ненецкая литература. М.: Литературная Россия, 2003. С. 3–15.
- Омельчук А.* Паднана луца (Григорий Вербов) // Рыцари Севера. Свердловск, 1982. С. 99–128.

- Решетов А.М. Отдание долга // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 15–17, 19–20.
- Терюков А.И. Переписка Г.Д. Вербова и У. Лехтисало // Материалы Всероссийской научной конференции 18–19 марта М.: Политическая энциклопедия, 2020. С. 66–76.
- Томский областной центр документации новейшей истории (ТОЦДНИ). Ф. 135. Оп. 5. Д. 25.
- Туров С.В. Краткое житие Г.Д. Вербова. Странника, просветителя, ученого мужа, воина, не им самим, но написанное // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого): материалы Всероссийской конференции с международным участием: в 2 ч. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. Ч. 2. С. 265–270.
- Хомич Л.В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Наука, 1966.
- Хомич Л.В. Григорий Давыдович Вербов – исследователь традиционной культуры и языка ненцев // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Пятых Сибирских чтений. Санкт-Петербург, 17–19 октября 2001 г. Ч. I. СПб., 2004. С. 75–82.

References

- Alekseyeva L.V. (2001) Etnograf G.D. Verbov i yego vklad v izucheniye nentsev [Verbov and his contribution to the study of the Nenets], *Samodiytsy: materialy 4 Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoye naslediyе narodov Zapadnoy Sibiri». 10–12 dekabrya 2001 g., g. Tobol'sk. Tobol'sk; Omsk: OmGPU, pp. 182–183.*
- Burkova S.I. (2010) Ėobitky khasava (o Grigorii Davydoviche Verbove) [Ėobitki khasava (about Grigory Davydovich Verbov)]. *Materialy 3-y mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po samodistike (Novosibirsk, 26–28 oktyabrya 2010 g.)*. Novosibirsk, pp. 7–19.
- Central State Archives of St. Petersburg (CGASPB). Fund R-1772. List 8. File 60; Fund R-9471. List 2. File 12; Fund R-4331. List 4. File 424; Fund R-4331. List 42. File 345.
- Golovnev A.V. (1995) Govoryashchiye kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov [Speaking cultures: traditions of Samoyeds and Ugric peoples]. Ekaterinburg: UrO RAS Publ.
- Khomich L.V. (1966) *Nentsy: Istoriko-etnograficheskiye ocherki* [Nenets: Historical and ethnographic essays]. Moscow; Leningrad: Nauka.
- Khomich L.V. (2004) Grigoriy Davydovich Verbov — issledovatel' traditsionnoy kul'tury i yazyka nentsev [Grigory Davydovich Verbov — researcher of the traditional culture and language of the Nenets]. *Kul'turnoye naslediyе narodov Sibiri i Severa: Materialy Pyatykh Sibirskikh chteniy. Sankt-Peterburg, 17–19 oktyabrya 2001 g.* CH. I. St. Petersburg, pp. 75–82.
- Lyubavskaya M.D. (2005) Pervyy uchenik (o Grigorii Davydoviche Verbove) [The first student (about Grigory Davydovich Verbov)]. *Lingvistika v gody voyny: lyudi, sud'by, sversheniya*. St. Petersburg.: Nauka Publ., pp. 197–206.
- Nauchnyi arkhiv Muzeia antropologii i etnografii RAN (NA MAE RAN) [Scientific Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography RAS]. Fund 2. List 1. Files: 15, 17, 19, 23, 69, 70, 95, 96, 106, 109, 111, 115, 117–120, 132, 136–138, 144–150, 155, 166, 167, 175, 179.
- Museum and Exhibition Complex named after. I.S. Shemanovsky (Salekhard) (MVK). IaNM-640-5; IaNM-9238/8, 11, 17; IaNM-10658/6, IaNM-11882, IaNM-15974/2; NVF-3262/1-6; NVF-3765, NVF-7770/1-4.
- Omel'chuk A. (1982) Padnana lutsa (Grigoriy Verbov) [Padnana Lutsa (Grigory Verbov)]. *Rytsari Severa. Sverdlovsk*, pp. 99–128.
- Reshetov A.M. (1995) *Otdaniye dolga* [Paying off a debt]. *Etnograficheskoye obozreniye*, 1995, no. 3, pp. 15–17, 19–20.
- Teryukov A.I. (2020) Perepiska G.D. Verbova i U. Lekhtisalo [Correspondence of G.D. Verbov and U. Lekhtisalo]. *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii 18–19 marta*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., pp. 66–76.

- Tomsk Regional Center for Documentation of Contemporary History (CDNITO). Fund 135. List 5. File 25.
- Turov S.V. (2019) *Kratkoye zhitiye G.D. Verbova*. Strannika, prosvetителя, uchenogo muzha, voina, ne im samim, no napisannoye [Brief life of G.D. Verbov. Wanderer, educator, pundit, warrior, not by himself, but written]. *Tvorcheskaya laboratoriya istorika: gorizonty vozmozhnogo (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya B.G. Mogil'nitskogo)*. *Materialy Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem: v 2-kh chastyakh*. Tomsk: Natsional'nyy issledovatel'skiy Tomskiy gosudarstvennyy universitet, Book 2, pp. 265–270.
- Verbov G. D. (1933) *Krasnyy chum* [Red chum]. Leningrad: Lenpartizdat Publ.
- Verbov G. D. (1936) *Lesnyye nentsy* [Forest Nenets]. *Sovetskaya etnografiya*, no. 2, pp. 57–70.
- Verbov G. D. (1939) *Perezhitki rodovogo stroya u nentsev* [Remnants of the tribal system among the Nenets]. *Sovetskaya etnografiya*, no. 2, pp. 43–66.
- Verbov G. D. (1945) *O drevney Mangazeye i rasselenii nekotorykh samoyedskikh plemen do 17* [On ancient Mangazeya and the settlement of some Samoyed tribes before the 17th century]. *Izvestiya Vserossiyskogo geograficheskogo obshchestva*, Vol. 75, no. 5, pp. 16–23.
- Verbov G.D. (1947) *Vasilii Fedorovich Zuyev (predisloviye)* [Vasily Fedorovich Zuev (foreword)]. *Zuyev V.F. Materialy po etnografii 18 v.* Moscow, Leningrad. L. 1–16 (TIE. Nauchnyy sbornik. T. 5). pp. 1–16.
- Verbov G.D. (1973) *Yazyk lesnykh nentsev* [Language of the Forest Nenets]. *Samodiyskiy sbornik*. Novosibirsk, pp. 4–190.
- Verbov G.D. (2003) *Pis'ma s fronta studentam filologicheskogo fakul'tete LGU* [Letters from the front to students of the Faculty of Philology of Leningrad State University]. *Iz istorii Kunstkamery: 1941–1945*. St. Petersburg: MAE RAS Publ., pp. 115–123.

Сведения об авторах:

ПЕРЕВАЛОВА Елена Валерьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: elena_perevalova@mail.ru

КИССЕР Татьяна Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: tkisser@bk.ru

КОМОВА Елизавета Александровна – младший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: el_fedorova21@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Elena V. Perevalova, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (St Petersburg, Russian Federation). E-mail: elena_perevalova@mail.ru

Tatiana S. Kisser, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (St Petersburg, Russian Federation). E-mail: tkisser@bk.ru

Elizaveta A. Komova, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (St Petersburg, Russian Federation). E-mail: el_fedorova21@mail.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 03 августа 2023;
принята к публикации 29 августа 2023.*

*The article was submitted 03.08.2023;
accepted for publication 29.08.2023.*